

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 57. Is. 3. pp. 1011-1024. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.3.1011
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian Army as a Phenomenon of Empire: Analysis of Historiography

Tatiana A. Volodina ^{a, *}, Konstantin A. Podrezov ^a, Tamara A. Taruntaeva ^a

^a Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The article deals with analyzing the historiography, which is devoted to studying the role and significance of the army in the context of Russian development as Empire. The authors study the approaches and assessments that have been shown by researchers in relation to the factor of language, confession and origin "heterogeneity" of Russian army during XVIII-XIX centuries. The research sources are the works of Russian historians beginning from the XIX century and up to the present day. Some works of contemporary Western researchers also came to the attention of the authors. As a result the authors distinguish the factors which made an impact upon a reconfiguration of research "methodological optics": practical issues in forming and using national units in military forces, understanding the causes of the collapse of Russian army during the Great War, anti-Imperial consideration of Soviet historiography, "complimentary" ethnocentric approach of the late Soviet and post-Soviet time, attention to the phenomenon of Empire in nowadays studies. The authors point out the role of Western historiography as an additional incentive that disposes Russian historians to move away from the "battle" paradigm of studying army to conceptual understanding of the relationship between the army, state and society. However, according to the authors of the article, it was the collapse of the USSR, that had been crucial in changing the focus of research attention.

Keywords: historiography, Russian army of XVIII-XIX centuries, Russian empire, integration instrument, state-building.

1. Введение

Название данной статьи требует пояснения. В ней сделана попытка проанализировать изучение в исторической науке российской армии в контексте того, что она в период XVIII – начала XX вв. представляла собой важнейший институт империи. При этом термин «империя» употребляется здесь без всякой позитивной или негативной коннотации, а как научная категория, обозначающая обширное государство с сильной вертикалью власти, объединяющее в своих пределах различные в культурном, языковом, религиозном и этническом плане племена и народы. Мы попытаемся проанализировать, ставился ли в исторической науке вопрос о формировании и функционировании той армии, в которой, перефразируя А.С. Пушкина, должен был служить «всяк сущий в ней язык, и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык»?

2. Материалы и методы

Как в любом историографическом исследовании источниками выступают работы историков. В данной статье рассмотрена дореволюционная, эмигрантская, советская и современная историография. Авторы придерживаются широкой трактовки в понимании предмета историографии, связывая его с историей идей и интеллектуальной историей. Такой подход требует учитывать взаимодействия, возникающие между историческими концепциями и теми социальными,

* Corresponding author

E-mail addresses: volodina.tatiana2016@yandex.ru (T.A. Volodina), kpodrezov@yandex.ru (K.A. Podrezov), lady.taruntaeva@yandex.ru (T.A. Taruntaeva)

политическими и культурными контекстами, в которых эти концепции рождаются (Володина, 2000). Историография в этом случае рассматривается не только как некий комплекс академических исследований, но и в качестве неотъемлемой части социокультурной системы общества.

3. Обсуждение и результаты

Военно-историческая проблематика всегда привлекала внимание российских и советских историков. Однако в их работах рассматривалась в первую очередь «батальная» сторона вопроса: история сражений, войн, полководческого искусства, порядок организации и снабжения войск. Имперский же контекст армии очень редко затрагивался учеными, хотя в реальности гибкая и дифференцированная политика привлечения на военную службу представителей различных этнических и конфессиональных групп играла немалую роль не только как инструмент усиления самой армии, но и как средство внутренней стабилизации государства, а также как мощный интеграционный фактор. Работ же, которые ставили бы своей целью анализ историографии по данной проблематике, просто не существует.

Дореволюционная, эмигрантская и советская историография в лице ее ярчайших представителей дает немало примеров обобщающих работ по истории российской армии. Среди авторов, посвятивших себя этой проблематике, можно назвать Д.Ф. Масловского, П.О. Бобровского, А.И. Михайловского-Данилевского, К.А. Баиова, А.А. Керсновского, Л.Г. Бескровного, П.А. Зайончковского и др.

Необходимо сразу отметить, что у дореволюционных историков проблема «имперскости» армии вообще не находилась в фокусе исследовательского внимания. Они изучали ход военных кампаний (А.И. Михайловский-Данилевский, А.К. Баиов), историю военного законодательства и подготовки военных кадров (П.О. Бобровский), развитие военного искусства и источниковедческие аспекты военной истории (Д.Ф. Масловский). Вопросы «разноплеменности» армии, если и затрагивались этими историками, то только в части выполнения задач конкретной военной кампании. Д.Ф. Масловский, например, специально обращал внимание на использование в ходе Семилетней войны различных этнических формирований (сербов, венгров, грузин, казаков, башкир, татар, калмыков) (Масловский, 1886: 43-55). Однако в центре его внимания оказываются лишь соображения эффективного использования плюсов этих частей (лучшая кавалерийская подготовка) и микширования минусов (низкая управляемость и дисциплина). Большую трудность, по мнению Масловского, представляла уже задача провести эти части на театр военных действий из-за «опасения нашего правительства подвергнуть разорению свои земли при преследовании массы крайне своевольных всадников, в особенности крайне опасных при неумении обходиться с ними» (Масловский, 1886: 50). В таком же ключе строил свое повествование и А.К. Баиов о русско-турецкой войне 1736–1739 гг. Он достаточно подробно излагал методы, при помощи которых фельдмаршал Миних стремился максимально эффективно использовать для пользы кампании иррегулярные части (донских, слободских и запорожских казаков, калмыков, венгров, сербов, валахов), и с какими трудностями при этом сталкивался (Баиов, 1906: 83-90). Однако автор исследования, отмечая, что Миних отдал приказ привлекать к военным действиям только крещеных калмыков, или же указывая, что, несмотря на раздачу запорожцам ценной пушнины, те сохраняли «ветреное состояние», не пытаясь проанализировать общий алгоритм привлечения на службу различных этноконфессиональных групп (Баиов, 1906: 89-90).

Решение вопроса – как строить армию в империи – занимало в XIX столетии в первую очередь военных специалистов, а не историков. Для них это являлось не столько предметом анализа, сколько практической задачей. Подчас это приводило к появлению трудов, которые еще нельзя назвать историческим исследованием, но которые ясно демонстрируют, что такой анализ проводился, и в первую очередь военными специалистами (Риттих, 1875).

Особняком среди обобщающих работ по истории русской армии стоит 4-томный труд А.А. Керсновского, над которым он работал в эмиграции в период с 1933 по 1938 годы (Керсновский, 1994). Ввиду отсутствия у автора возможности пользоваться архивными источниками и разнообразным историографическим материалом, его работа выглядит не совсем академической, это скорее подробное и насыщенное фактами публицистическое повествование об истории русской армии в императорский период – от Петра I до 1917 г. Для автора история русской армии представляет собой «историю жизни... и дел русского народа», которая неотделима от военной и политической истории страны (Керсновский, 1994: 329). Для Керсновского на первый план выходит политика правительства в контексте военных усилий народа, причем именно русского народа. Всех остальных он просто не замечает. Как священный завет, он пишет в 1939 г.: «Русскую кровь – только за русские интересы» (Керсновский, 1939). При этом Керсновский даже не задается вопросом: «А если кровь не русская, но пролита за Россию?» Для него, скорее, естественным является подход: тот, кто проливает кровь за Россию, – русский.

Для Керсновского «империя» есть производное от «императора», а вовсе не от «разноплеменности». Человек с польской и греческой кровью в жилах, Керсновский в своей работе выступает яростным и последовательным русским националистом. Он как будто выставляет

огромный счет империи за то, что она помешала становлению русского национального государства, и в этом видит одну из главных причин революционной катастрофы 1917 года. «Великая Империя мало что делала для народного образования и решительно ничего не сделала для народного воспитания. Ни священник приходской школы, ни учитель министерской не объясняли детям великого прошлого их страны, не учили знать её и любить. Из тысячи новобранцев девятьсот не знали цветов русского знамени. А как зовут Царя, они узнавали, присягая ему. От своих офицеров и унтер-офицеров – единственных воспитателей 150-миллионного русского народа – они получали то, что давало им силы умирать героями за эту мало им известную Родину. Народ не учили любить свою страну. Неудивительно, что он в конце концов любил лишь свою деревню, до которой “немцу всё равно не дойти”, да и в деревне лишь свою избу» (Керсновский, 1994: 328).

Концептуальный подход Керсновского объясним глубокой личной травмой участника Белого движения и эмигранта, который в своей работе пытался найти ответ на самый главный и мучительный для него вопрос: почему империя рухнула, если она была так сильна? И почему даже армия, которая была становым хребтом этой империи, не смогла ее спасти?

Крупным исследователем военно-исторической проблематики являлся Л.Г. Бескровный, который работал уже в рамках советской идеологической парадигмы. Именно поэтому в трудах этого ученого столь большое внимание уделяется военно-экономическому фактору: развитию материальных ресурсов, состоянию промышленности и транспорта, социальным противоречиям в обществе (Бескровный, 1958). Впрочем, следует отметить, что профессиональное становление Бескровного пришлось уже на 1930–1940-е гг., в связи с чем ему удалось избежать нигилистических увлечений историков-марксистов 1920-х гг., в координатах мышления которых армия царской России являлась, прежде всего, инструментом самодержавного угнетения и имперской агрессии, поэтому роль ее принижалась, а слабость и поражения этой армии рассматривались как явления положительные. Для Бескровного же армия – это в первую очередь слава и достояние России. Он глубоко изучает общие вопросы организации и комплектования армии, ее управления и боевой подготовки кадров. В силу этого в работах Бескровного, хотя и встречаются факты, свидетельствующие о гетерогенном составе армии, но только в виде констатации, о них всегда говорится мимоходом, как о чем-то незначительном.

Значимое место в ряду военно-исторических исследований советского времени занимают работы П.А. Зайончковского. Они в гораздо меньшей степени грешат идеологическими клише. Высшая бюрократия царской России под пером этого историка отнюдь не выглядит сборищем узколобых «защитников феодально-крепостнического строя», напротив, их отличает высокий интеллектуальный потенциал, искреннее стремление работать на пользу страны и решать труднейшие проблемы, с которыми эта страна сталкивается в своем развитии. Собственно, благодаря этому, работы Зайончковского и остаются до сих пор в багаже всех исследователей, занимающихся военной историей. Внимание историка привлекает российская армия в период великих реформ и в конце XIX в., когда после убийства Александра II произошла смена внутривосточного курса страны (Зайончковский, 1952, 1973).

Зайончковский не ставил специальной целью исследование армии как феномена империи, но, верный принципам историзма, не мог и не хотел обойти молчанием те коллизии, которые приходилось разрешать правительству при проведении в жизнь всеобщей воинской повинности. Именно поэтому он раскрывает логику споров вокруг принципов локально-территориального комплектования воинских частей. С точки зрения быстроты мобилизации в случае военной угрозы было бы, например, эффективнее, чтобы части, расположенные на Кавказе, комплектовались из уроженцев Кавказа. Однако опыт польского восстания 1863 г. остужал прагматизм реформаторов, и они устанавливали принцип: «Все войска должны пополняться рекрутами и отпускными так, чтобы 75 % комплектования производить уроженцами внутренних губерний, т.е. русскими, а остальную четверть пополнять жителями пограничных местностей» (Зайончковский, 1952: 270).

Зайончковский обращает внимание и на то, что принцип «всеобщности» имел территориальные и этнические изъятия. Так, устав 1874 г. не распространялся на Закавказье, Туркестан, Приморье и северные районы Сибири; от призыва освобождалось местное нерусское население некоторых регионов, а уроженцы других (Финляндия, казачьи области) отбывали службу по особым правилам (Зайончковский, 1973: 115). Историк анализирует национальный состав офицерского корпуса российской армии, специально уделяя внимание процентным квотам и секретным инструкциям, которыми правительство стремилось обеспечить лояльность воинских соединений имперскому центру (Зайончковский, 1973: 196–202).

В целом работы Зайончковского свидетельствуют о том, что правительственные верхи при реформировании армии уже хорошо отдавали себе отчет, что военная служба является в определенной мере инструментом интеграции в общеимперское тело представителей разноплеменных частей. Иначе непонятно, зачем вообще государственные мужи ломали себе голову над принципами реализации военной реформы на окраинах империи, если потребности армии вполне покрывались и без этого. Сам Зайончковский приводит данные, что из всего потенциального контингента призывников на действительную военную службу зачислялись ежегодно только

27–30 %. Больше Военному министерству просто было не нужно (Зайончковский, 1952: 308). При этом военное руководство прекрасно осознавало «особый состав солдатской массы» (30 % не знало русского языка, высокий процент неграмотных) и отдавало себе отчет, что армия после милютинской реформы должна, помимо прочего, играть и роль своеобразной «школы» для подданных империи (Зайончковский, 1973: 291).

Работы Зайончковского посвящены, прежде всего, политике государства в военной сфере, это взгляд сверху, из министерских кабинетов Петербурга, хотя у него иногда и прорывается постановка вопросов совершенно иного плана. В примечаниях, например, историк отправляет вопрос о том, кого считать русским: «Наибольшую трудность представляет собой определение национальности лиц, принадлежавших к православному вероисповеданию, но носящих немецкие или польские фамилии, а иногда и отчества. В данном случае я отношу их к русским, так как критерий отбора здесь совершенно неясен. Что представляет собою это лицо: русского с иностранной фамилией или немца или поляка, числящегося православным?» (Зайончковский, 1973: 196). Впрочем, нужно признать, что при всех отмеченных нами ценных наблюдениях Зайончковского, эти сюжеты находились для него на периферии исследовательского внимания.

Возникает закономерный вопрос: почему в работах как дореволюционных, так и советских историков проблема армии в качестве именно имперского института практически игнорировалась? Думается, ответ прост и заключается он в природе самой исторической науки. Историки задают прошлому те вопросы, которые ставит перед ними настоящее. Пока империя сильна и исполнена мощи, пока центробежные тенденции не угрожают ей всерьез, эти вопросы попросту не актуализируются в историческом знании. Яркой иллюстрацией подобного типа мышления выглядит пророческая записка П.Н. Дурново, которую он подал Николаю II в феврале 1914 г. (Дурново, 1922). Рисуя последствия возможной войны для России, он предвидит национальные волнения на окраинах (Польша, Финляндия, Кавказ, Украина). Однако Дурново уверен, что с этим страна справится. Она не справится с другим – с хаосом анархии и социальной революцией, которые неизбежно ожидают Россию в случае затяжной войны и поражений на фронтах. Дурново не опасался распада империи, он предвидел крушение строя. Аналогичной выглядела и ситуация в глазах советских историков. Пусть сама постановка вопроса об СССР как империи была невозможна по цензурным и идеологическим соображениям, но столь же невозможной представлялась им и вероятность распада страны. В различных юбилейных или коллективных сборниках, посвященных военно-исторической проблематике, на первый план выходил патриотически-интернациональный нарратив – как в совместной защите отечества крепла дружба народов СССР.

Ситуация коренным образом изменилась к началу 1990-х годов. Здесь взаимно наложились влияние нескольких факторов. Во-первых, рухнули цензурно-идеологические ограничения. Во-вторых, отечественные историки получили доступ к зарубежной научной литературе, где в непривычных категориях концептуализировалась история России именно как история империи; сначала эти сочинения читались на иностранных языках, но вскоре появились и переводы (А. Каппелер, Дж. Хоскинг, Д. Ливен, М. фон Хаген, Э. Таден и др.). Довольно скоро и внутри страны появились историки, которые начали плодотворно изучать проблемы империи и национальной идентичности (А.И. Миллер, Л.Е. Горизонтов, М.Д. Долбилов и др.). Родился даже специальный периодический орган «Ab Imperio», который стал играть роль своеобразного центра притяжения и пространства дискуссий для тех, кто занимался исследованием имперских феноменов. Однако все это были причины внешнего характера. Главным фактором, который обусловил острый интерес к изучению имперской проблематики, стал, безусловно, распад СССР. Историки стали свидетелями масштабных драматических событий и глубоких дезинтеграционных процессов. Все это заставляло их обращаться к осмыслению закономерностей и причин этого феномена, тех угроз и возможных последствий, которые он с собой несет. Реалии современности актуализировали изучение прошлого. «Сова Минервы», говоря словами Гегеля, опять «вылетела только в сумерки».

Методологическая «переоснастка» проявилась в стремлении историков уйти от привычной «батальной» и внешнеполитической парадигмы к военно-исторической проблематике. Выразилось это, например, во внимании к истории военной повседневности, микроистории и историко-антропологическому подходу в военно-исторических исследованиях. Ученые, работающие в данной парадигме, тяготеют к научной школе «Военно-историческая антропология и психология», основателем которой явилась Е.С. Сеньявская.

Однако изучение армии в качестве важнейшего института империи все еще остается в тени. Монографические исследования, посвященные данной теме, пока так и не появились. Среди современной историографии можно выделить определенные группы работ, различающиеся по формату и фокусу зрения. Так, среди исследований, посвященных различным аспектам развития и жизнедеятельности российской армии в целом, проявляется интерес и к анализу фактора «разноплеменности» этой армии. И.Г. Дуров, например, изучая процесс организации чинопроизводства в армии эпохи Петра I, невольно касается и рассмотрения наличия в этой армии различных социально-этнических групп и в целом феномена иностранцев в армии Российской империи (Дуров, 2013). В статье Д.Г. Целорунго (Целорунго, 2012) и монографии С.В. Волкова

(Волков, 2003), посвященных набору рекрут, службе нижних чинов и офицерского корпуса, в поле зрения исследователей попадает и специфика их национального, конфессионального и социального состава. Исследования М.И. Ивашко, посвященные роли церкви и духовенства в российской армии, неизбежно затрагивают и религиозную политику государства по отношению к военным, которые принадлежали к различным конфессиям. В фокус внимания исследователя попадают взаимоотношения православных и иноверцев, которые вместе служили в армии и на флоте, процентное соотношение солдат и офицеров, принадлежавших к различным конфессиям, а также положение и особенности службы неправославного духовенства в воинских частях (Ивашко, 2003). Кроме того, отдельный интерес представляют работы, где авторами демонстрируется участие различных народов России в знаменательных событиях военной истории нашей страны, в частности статья Л.В. Выскочкова, в которой показывается национальный характер Отечественной войны 1812 года и совместное участие на полях сражений представителей разных народов империи (Выскочков, 2012).

Вторую группу исследований составляют многочисленные работы, в фокусе внимания которых находится определенная этническая группа, входившая в том или ином качестве в состав вооруженных сил империи или принимавшая участие в различных военных кампаниях. Как правило, авторы этих исследований тяготеют к региональным научно-исследовательским центрам тех республик или краев, где компактно проживает определенная этническая общность. Отличительной чертой такого рода «этноцентристских» работ является определенный «комплиментарный» характер, авторы в первую очередь стремятся рассказать о воинских подвигах, мужестве и героизме «нашего народа». Концептуального осмысления проблем, которые возникают в процессе строительства армии в империи, мы здесь не найдем.

В эту парадигму попадает целый комплекс исследований, посвященных, в частности, истории казачьего сословия. В работах О.В. Агафонова (Агафонов, 1995), Е.И. Лаптевой, Л.П. Рожковой (Лаптева, Рожкова, 2012) можно проследить не только особенности устройства казачьих военных формирований, историю участия казаков в регулярных и иррегулярных частях, но и характер их взаимоотношений с русским населением, инородцами и иноверцами империи. Впрочем, главный смысл подобных работ – убедить, что казачество внесло весомую лепту в историю силы и славы российской армии.

Схожий характер носят и многочисленные труды, посвященные участию татар, калмыков, башкир и представителей других национальностей в имперской армии. Существует ряд исследований по инкорпорации в тело империи крымских татар и роли армейского фактора в этом процессе. К таким работам можно отнести статьи А.А. Бобкова (Бобков, 2006) и Х.М. Абдуллина (Абдуллин, 2007). Complimentarность прослеживается и в этих работах и подчас выглядит достаточно искусственно. Так, А.А. Бобков, рассказывая о крымскотатарских дивизионах XVIII столетия, которые просуществовали всего несколько лет да еще и успели за это время взбунтоваться, делает вывод о том, что они «принесли существенную пользу», воспитав национальные офицерские кадры, которые оказали России неоценимую помощь (Бобков, 2006: 7). Этот лестный вывод у автора ничем не подтвержден, а у других исследователей мы находим совершенно противоположную картину военной доблести крымскотатарских дивизионов, которые, кстати, формировались на добровольной основе и получали денежное жалованье. Среди дивизионов, направленных к польской границе, «сразу за Перекопом начались волнения, грабеж местного населения и повальное дезертирство. Два дивизиона, опасаясь наказания за совершенные по дороге преступления, бежали в Польшу и бродили по ней, пока не оказались в Пруссии, откуда их выпроводили под конвоем» (Лапин, 2012: 105).

Изучением участия калмыцкого народа в вооруженных силах империи занимались К.П. Шовунов (Шовунов, 1992), К.Н. Максимов, У.Б. Очиров (Максимов, Очиров, 2012), Д.А. Сусеева (Сусеева, 2012) и другие авторы, по большей части связанные с научными центрами Калмыкии. Зачастую, правда, эти работы написаны в методологических рамках «батальной истории», когда на фоне действий корпусов и армий авторы стремятся конкретизировать участие в военных операциях калмыцких полков. При этом по части изложения материала и концептуальных подходов эти исследователи активно используют работы своих предшественников: книгу Е.Ч. Чонова, напечатанную в 1912 г., и монографию Т.И. Беликова, вышедшую в 1965 г. Для своего времени работы этих авторов действительно выглядели вполне достойно, но они оба строили свой нарратив в первую очередь как историю мужества и героизма калмыков, приходивших на помощь России. Принципиальная разница заключалась лишь в том, что у Чонова верховная власть проявляла к калмыкам «любозное и заботливое отношение» (Чонов, 2006: 29), а у Беликова – «политика великодержавного шовинизма, проводимая царским правительством, попирала интересы и права калмыков и ставила их в крайне тяжелое положение» (Беликов, 1965: 99).

Притягательность подобного «комплиментарного» нарратива и стремление продемонстрировать героизм предков приводят на поле данной проблематики краеведов, писателей и журналистов, причем их работы зачастую содержат даже научно-справочный аппарат и внушительный перечень источников и литературы. Впрочем, характерными чертами таких работ все равно являются высокий уровень компилятивности и слабость источниковедческого анализа. Так, в

книге краеведа И.Р. Габдуллина делается попытка проследить вхождение татарской знати в корпорацию российского дворянства посредством военной службы (Габдуллин, 2006). Автор подробно разбирает особенности привлечения на службу различных групп татарского народа, выделяя их как по религиозному (крещеных и мусульман), так и по территориальному признаку (татары Касимовского ханства, Мещерского края, Казанского, Хлыновского, Уфимского, Романовского и Ярославского уездов). Он анализирует организацию этой службы, распределение новобранцев, возможности их карьерного продвижения. Именно от татарских предков, поступивших на военную службу, утверждает он, ведут свою родословную сотни русских дворянских родов, которые веками играли видную роль в жизни страны (Габдуллин, 2006: 4).

Не является профессиональным историком и С.Г. Асфатуллин, красочно и эмоционально описавший участие башкир в войне 1812 года (Асфатуллин, 2000). Книга позиционируется им как историко-документальное исследование, однако она в большей степени является проекцией ментальных установок самого автора. Под его пером башкирские всадники выглядят не просто отличными воинами, но и «рыцарями без страха и упрека». Исполненные сочувствия и милосердия к мирным жителям, они с истинным самопожертвованием вступают в схватку с врагом, будучи вооружены только луком и стрелами.

Необходимо признать, что подобный массив «комплиментарной» историографии является неизбежным и даже необходимым спутником любой актуальной военно-исторической проблематики. Такого рода работы свидетельствуют, с одной стороны, о повышенном интересе к данным темам в общественном сознании, а с другой – создают некое ментальное поле, отталкиваясь от которого, профессиональные историки переходят к следующей ступени – более глубокой и обобщающей разработке интересующей их проблематики.

Среди работ, которые отличаются более широкой постановкой вопроса и более высоким уровнем концептуального обобщения, можно, в частности, указать исследования Р.Н. Рахимова (Рахимов, 2007, 2014–2015, 2018–2020), который в своей монографии «На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в.» стремится выйти за рамки чисто фактологического изучения башкирских воинских формирований и предпринимает попытку сравнительно-исторического анализа путей и форм интеграции различных народов в социокультурное поле империи (Рахимов, 2014). В целом необходимо отметить, что «башкирский кейс» является одним из наиболее глубоко разработанных в плане влияния военного фактора на процесс интеграции башкир в состав Российской империи. Это, очевидно, можно объяснить несколькими факторами. С одной стороны, драматическими коллизиями, которые сопровождали процесс интеграции воинственного народа, то и дело восстававшего против правительственного центра в течение XVII–XVIII вв., в социокультурное поле империи. С другой – несомненным успехом этой интеграции, благодаря гибкому использованию имперским центром патриархальных военно-демократических устоев самого башкирского общества. Вся разница между исследователями состоит в том, что одни этот процесс оценивают позитивно (Рахимов, 2015), а другие подчеркивают, что военная служба была лишь инструментом в руках правительства в целях ассимиляции башкир и утраты ими этнического самосознания (Мурзатов, 2017). Однако мы не найдем в историографии внятного ответа на вопрос о том, какую роль сыграла организация башкирского войска в феномене башкирских восстаний: то ли боевой опыт башкирских всадников способствовал ожесточенности этих выступлений, то ли, наоборот, привел к их затуханию во второй половине XVIII столетия?

Безусловным успехом следует признать и опыт коллективной монографии «Казачество в тюркском и славянском мирах» (Грибовский, Трепавлов, 2018: 804), которая объединила авторов из разных стран в стремлении проанализировать развитие феномена казачества в координатах длительного хронологического периода и в пространстве огромных просторов Евразии, тем самым продемонстрировав синергетический эффект в результате объединения различных локальных историй. Отношение к армии и военной силе России у народов, входивших в состав русского государства, затрагивается и в монографии В.В. Трепавлова (Трепавлов, 2007).

Отдельную группу образуют работы, повествующие о службе в русской армии евреев. В конце XIX – начале XX вв. в отечественной исторической науке появились фигуры авторов-евреев, которые целенаправленно акцентировали свое внимание на истории российского еврейства, и в частности – на вовлечении евреев в российскую армию: С.М. Дубнов (Дубнов, 1923), Ю.И. Гессен (Гессен, 1914), С.М. Гинзбург (Гинзбург, 1912) и др. Эта русско-еврейская историография концептуально оформлялась под воздействием нескольких факторов. В силу остроты еврейского вопроса в политической жизни дореволюционной России, широкой вовлеченности еврейской интеллигенции в либерально-революционное движение, а также в связи с распространением среди еврейской молодежи идеологии сионизма – в работах этих историков распространение воинской повинности на евреев рассматривалось в первую очередь как невиданная жестокость и издевательства, имевшие своей целью крещение и полную русификацию евреев. В советское время, начиная с 1930-х гг., темы, связанные с историей еврейства, стали рассматриваться как «неудобные». Историки внутренним

чутьем ощущали: «ходить бывает склизко по камешкам иным» – и предпочитали не связываться с потенциально дискомфортной проблематикой.

В последние десятилетия ситуация изменилась: публикации, посвященные жизни еврейского народа в России, и в частности участию евреев в армии, стали достаточно многочисленными. Условно их можно разделить на две группы, которые тяготеют к двум противоположным подходам: 1) военная служба была чудовищным инструментом угнетения и русификации евреев (Локшин, 2012); 2) государственная политика была хотя и жесткой, но по-своему оправданной, т.к. именно благодаря военной службе представители еврейского сообщества включались в модернизационные процессы, гражданские структуры империи и преодолевали социальную и культурную изоляцию (Петровский-Штерн, 2003). Монография Петровского-Штерна вообще выглядит непривычно на общем фоне традиционной историографии, оплакивающей горестную участь еврейских солдат. Вероятно, эта концептуальная независимость автора связана с личными особенностями его судьбы: Петровский-Штерн в профессиональном отношении формировался еще в советском обществе (Киевский университет и МГУ), затем, эмигрировав в США, работал в университетских центрах различных стран. В плане понимания семантики русскоязычных источников и социокультурных смыслов общественных взаимоотношений в России этот американский историк, безусловно, не являлся «иностранцем». Одновременно с этим личный жизненный и профессиональный опыт подталкивал его к тому, чтобы подняться над этноцентристским подходом. С точки зрения Петровского-Штерна, привлечение евреев в российскую армию сыграло роль наиболее эффективного инструмента для достижения чрезвычайно важной цели – «превратить евреев России, изолированных от жизни русского общества, решительно отличающихся от населения империи по языку и культуре и все еще живущих по законам Речи Посполитой XVI–XVIII вв., в совершенно новый тип современного еврейства: в русских евреев» (Петровский-Штерн, 2003: 9).

В историографических обзорах традиционно всегда обращается внимание на то, что есть в научной исторической литературе, посвященной той или иной проблематике. Однако не менее важным представляется выделить и то, чего в ней нет. В отличие от сюжетов, связанных с военной службой евреев, казаков, башкир, татар или калмыков, в современной научной литературе практически отсутствуют исследования, посвященные военной службе чувашей, удмуртов, тунгусов, эвенков, сербов, греков и других представителей этнических общностей. Эта «фигура умолчания» в каждом случае имеет свои причины и резоны.

Земледельческие народы Поволжья в XVIII–XIX вв. не имели «военно-демократической», «конно-кавалерийской» или «феодально-родовой» специфики в своем общественном устройстве, к тому же они раньше вошли в состав ядра русского государства. В силу этих причин имперскому центру не было нужды «искать» особые формы национальных войсковых формирований для привлечения их в ряды российской армии. Малочисленные народы Сибири были столь «малочисленны» и разбросаны по огромным таежным просторам, что терялся практический смысл их призыва как таковой. А греки, сербы и венгры, которые активно привлекались на военную службу в XVIII в., достаточно быстро прошли путь аккультурации и ко времени образования СССР не «претендовали» на создание каких-либо национально-территориальных автономий. Равным образом, не были созданы и соответствующие научно-исследовательские структуры, которые целенаправленно концентрировали бы внимание на «мужестве и героизме наших предков». Поэтому столь немногочисленны статьи, посвященные положению переселенцев с Балкан, их особому устройству в Новороссийском крае, анализу специфики их военных формирований (Артамонов, 2011; Танин, 2009; Пинчук, 2012; Арш, 1969). По большому счету лишь необычно звучащие фамилии русских генералов XIX в. (Милорадович, Депрерадович, Вуич) остались у нас как напоминание об имперском проекте создания Новой Сербии.

В качестве отдельной группы следует выделить и немногочисленные работы, посвященные службе поляков и финнов в армии Российской империи. Эти исследования имеют специфику в силу того, что этноцентристский «комплиментарный» подход в данном случае не востребован и не работает. А значит, во весь рост перед исследователями встает вопрос изучения механизмов взаимодействия имперского центра и территорий, отличающихся от ядра государства вектором своего культурного развития. Необходимым становится концептуальное осмысление вовлечения людских ресурсов этих земель в общие военные структуры империи, анализ целей, задач и результатов этого процесса, понимание причин достижений и неудач. Так, некоторые исследователи рассматривают процесс привлечения поляков в военные структуры империи (Ващенко, 2000; Дмитриев, 2014; Адрилайнен, 2017), уделяя особое внимание изменению принципов вовлечения поляков в вооруженные силы, характеристике состояния и организации вооруженных сил в период существования Царства Польского и в более позднее время. Положение финского народа в имперской армии представлено лишь одной работой В.В. Лапина «Финляндия в военной системе Российской империи», где автор всесторонне рассматривает правовой и военный статус княжества Финляндского, выделяет различные формы участия его населения в вооруженных силах России и анализирует причины, в силу которых имперский центр фактически потерял здесь неудачу в плане мобилизации людских ресурсов (Лапин, 2014).

Вообще работы В.В. Лапина на сегодняшний день представляют собой наиболее глубокую попытку осмысления армии империи как мощного интеграционного механизма (Лапин, 1991, 1994, 2001a, 2001b, 2002, 2008, 2012, 2014, 2016, 2019). В статьях этого исследователя стал выкристаллизовываться новый подход, рассматривающий изучение российской армии как института, способного проводить гибкую политику и реализовывать глубокие социокультурные задачи внутреннего развития России. Начало этому положила статья В.В. Лапина «Армия империи – империя в армии», в которой автор заявлял об уникальности имперского государственного строительства и огромных адаптационных возможностях империи, что непосредственно находило свое воплощение в армии, превращая ее из «инструмента внешней политики в инструмент внутренней» (Лапин, 2001b: 109-110).

Наряду с работами отечественных историков, в последние десятилетия особый вклад в изучение российской армии в парадигме социокультурной истории вносят и зарубежные ученые. Среди таких исследований следует, в первую очередь, отметить значимые работы американских историков (Меннинг, 2016; Кеер, 1985; Wirtschafter, 1990; Pintner, 1984). При всех различиях этих ученых в выборе тем и хронологических периодов в изучении российской армии их объединяет одна важная черта – изучение армии как важнейшего фактора не только внешней политики, но и внутреннего развития российского общества и государства. На существенные отличия западной историографии в исследовательских подходах к изучению армии еще в 1990-е гг. указал В.В. Лапин (Лапин, 1994). Некоторые из работ зарубежных историков переведены на русский язык, другие доступны лишь на языке оригинала. Пытаясь концептуально ответить на вопрос о роли армии в российской истории и специфических чертах влияния армейского фактора на российское общество, многие из них в той или иной степени затрагивают и вопрос об имперском характере армии. Особенно заметными в этой связи выступают работы Дитриха Байрау и Альфреда Рибера. Немецкий историк Дитрих Байрау во многом продолжает и развивает традиции школы П.А. Зайончковского, под руководством которого он работал во время своей стажировки в СССР в 1970-е гг. Фундаментальная монография Байрау «Армия и общество в дореволюционной России» рассматривает развитие российской армии в широкой связи с политической, экономической и социальной жизнью страны (Веугау, 1984). Небольшая часть этой работы в качестве отдельной статьи увидела свет в переводе на русский язык (Байрау, 1997). Байрау задается принципиальным вопросом о влиянии процессов «гражданзации» общества и формирования нации на российскую армию в преоформенное время. Немецкого историка в этой связи интересует проблема: возможно ли было вообще такое преобразование без развала империи и ее армии? С его точки зрения, главной причиной краха страны и армии были не капиталистические или национальные противоречия, а культурно-социальный дуализм общества (разграничение на «белую» и «черную» кость), не преодоленный даже в результате реформ 1860-х гг. Именно поэтому, по мнению Байрау, столь успешной оказалась «интернациональная этика, которая ставила своей целью преодоление раскола на классы и этносы», а Красная рабоче-крестьянская армия, уже с иным идеологическим обоснованием, сумела победно «продолжить традицию империи, создав культ военного дела и власти» (Байрау, 1997: 36).

Не менее интересный концептуальный подход наметил и американский историк Альфред Рибер, предложив в качестве эффективного инструмента для изучения проблемы армии в империи использовать методы компаративистики (Rieber, 2015). В статье, которая по формату представляет собою скорее историческое эссе, Рибер попытался наметить пути возможного сравнительно-исторического исследования «национализации» армии в ходе модернизации и потрясений трех империй – Российской, Австро-Венгерской и Османской. По мнению историка, именно компаративистика может стать плодотворным инструментом для концептуального понимания схожих и специфических черт роли армии в имперских структурах в ходе их модернизационной трансформации. Рибер утверждает, что исследователи «неоправданно мало внимания уделяют армии, которая, наряду с бюрократией и идеологией, входит в число трех столпов имперского правления и которая проходит свой путь развития в результате взаимодействия имперских процессов и процессов национализации, начиная с XVII столетия и до первой мировой войны» (Rieber, 2015: 594).

4. Заключение

Подводя итоги, следует сделать вывод о том, что критическая масса материалов и исследований касательно феномена армии в Российской империи уже накоплена для того, чтобы перейти к другому, более высокому уровню концептуального осмысления ее роли во внутреннем социокультурном развитии имперского организма в целом. На повестке дня стоит задача перехода от общетеоретических рассуждений о природе и типологии империй к конкретным историческим исследованиям концептуального уровня. Историкам предстоит в ходе этих исследований искать ответы на непростые вопросы. Насколько успешной была армия в роли «школы нации»? Каковы были инструменты вовлечения нерусских народов в российскую армию, каков был алгоритм поиска и выработки этих инструментов? В чем состояла основная цель подобного вовлечения: в удовлетворении военных потребностей или в интеграционных процессах, протекавших в империи?

Насколько эффективными были результаты такого вовлечения в военно-практическом смысле и в контексте общеимперской интеграции? Как должна была действовать империя, привлекая как русское, так и нерусское население на военную службу, чтобы в дальнейшем избежать потрясений? Почему в одном случае политика правительства приводила к повышенному уровню лояльности, в другом – к ускорению процесса интеграции, а в третьем – к фатальным последствиям?

Литература

- Абдуллин, 2007** – Абдуллин Х.М. Воинская служба крымских татар в Российской империи // *Военно-исторический журнал*, 2007. № 1. С. 49-54.
- Агафонов, 1995** – Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. М., 1995.
- Андрилайнен, 2017** – Андрилайнен С.В. Русская армия в Царстве Польском в 1831–1856 годах // *Научный диалог*. 2017. № 3. С. 106-118.
- Артамонов, 2011** – Артамонов В.А. Сербь и турецко-русская война 1710–1713 гг. // *Институт российской истории РАН*, 2011. Т. 13. № 3 (2). С. 333-341.
- Арш, 1969** – Арш Г.Л. Греческая эмиграция в Россию в конце XVIII – начале XIX в. // *Советская этнография*, 1969. № 3. С. 85-95.
- Астафуллин, 2000** – Астафуллин С.Г. Северные амурь в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 2000.
- Баиов, 1906** – Баиов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Т. 2. СПб., 1906.
- Байрау, 1997** – Байрау Д. Империя и ее армия // *Новый часовой*. 1997. № 5. С. 19-39.
- Беликов, 1965** – Беликов Т.И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX вв.). Элиста, 1965. 180 с.
- Бескровный, 1958** – Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1958.
- Бескровный, 1958** – Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958.
- Бобков, 2006** – Бобков А.А. Таврические конные дивизионы: К истории крымских татарских иррегулярных формирований российской императорской армии в 1784–1796 гг. // *Военно-исторический журнал: Интернет-приложение*. 2006. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://books.reenactor.ru/?bookid=624> (дата обращения: 08.08.2020).
- Ващенко, 2000** – Ващенко А.В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи, 1815–1830 гг. М., 2000.
- Волков, 2003** – Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003.
- Володина, 2000** – Володина Т.А. О расширении предмета историографических исследований (к постановке вопроса) // *Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко*. М., 2000. С. 312-320.
- Высочков, 2012** – Высочков Л.В. «Война теперь не обыкновенная, а национальная»: народы России в Отечественной войне 1812 года / Материалы Всероссийской научной конференции (г. Элиста, 11–12 сентября 2012 г.). Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2012. С. 18-24.
- Габдуллин, 2006** – Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006.
- Гессен, 1914** – Гессен Ю.И. История евреев в России. СПб., 1914.
- Гинзбург, 1912** – Гинзбург С.М. Отечественная война 1812 года и русские евреи. СПб., 1912.
- Грибовский, Трепавлов, 2018** – Грибовский В.В., Трепавлов В.В. (Ред.). Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018.
- Дмитриев, 2014** – Дмитриев Д.Г. Поляки на службе в царской армии накануне Первой мировой войны (к вопросу о векторе социальной мотивации) // *Славянский альманах*. 2014. С. 134-141.
- Дубнов, 1923** – Дубнов С.М. Новейшая история еврейского народа: От революции 1789 г. до мировой войны 1914 г. В 3-х т. Берлин, 1923.
- Дурново, 1922** – Дурново П.Н. Записка П.Н. Дурново // *Красная новь*, 1922. № 6. С. 178-199.
- Дуров, 2013** – Дуров И.Г. Организация военного чиновничества в русской регулярной армии и военно-морском флоте в эпоху Петра Великого // *Менишковые чтения*. СПб., 2013. № 4 (11). С. 71-124.
- Зайончковский, 1952** – Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952.
- Зайончковский, 1973** – Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М., 1973.
- Ивашко, 2004** – Ивашко М.И. Межконфессиональный мир в армии и на флоте: исторический опыт // *Журнал личной, национальной и коллективной безопасности*. 2004. № 3. С. 566-573.
- Керсновский, 1939** – Керсновский А.А. Мировая война. Краткий очерк. К 25-летию объявления войны. Белград, 1939.
- Керсновский, 1994** – Керсновский А.А. История русской армии. М.: Голос, 1994. Т. 4.
- Куприянова, 2008** – Куприянова О.И. Иностранцы на государственной службе в России в XVIII в.: правовой статус // *Вестник Московского университета. Право*, 2008. № 5. С. 78-90.

- Лапин, 1991** – Лапин В.В. Военные расходы России в XIX в. // *Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию со дня рождения Б.А. Романова*. СПб., 1991. С. 148-160.
- Лапин, 1994** – Лапин В.В. Армия дореволюционной России в современной западной историографии // *Государственные институты и общественные отношения в России XVIII–XX вв. в зарубежной историографии*. СПб. 1994. С. 7-31.
- Лапин, 2001a** – Лапин В.В. Национальные формирования в Кавказской войне // *Россия и Кавказ. Сквозь два столетия*. СПб., 2001. С. 108-126.
- Лапин, 2001b** – Лапин В.В. Армия в империи – империя в армии: организация и комплектование вооруженных сил России в XVI – начале XX вв. // *Ab Imperio*. Т. 4. С. 109-140.
- Лапин, 2008** – Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008.
- Лапин, 2012** – Лапин В.В. Проблемы использования людских ресурсов национальных окраин Российской империи для комплектования вооруженных сил в конце XVIII – первой четверти XIX века // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2012. № 11. С. 100-107.
- Лапин, 2014** – Лапин В.В. Финляндия в военной системе Российской империи // *Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории*. 2014. № 1. С. 98-120.
- Лапин, 2016** – Лапин В.В. Армия Российской империи как школа нации / *Военная история России XIX–XX веков. Материалы IX Международной военно-исторической конференции*. 2016. С. 3-12.
- Лапин, 2019** – Лапин В.В. Армия России как имперский интеграционный механизм // *Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории*. 2019. № 1 (21). С. 302-313.
- Лаптева, Рожкова, 2012** – Лаптева Е.В., Рожкова Л.П. К вопросу об истории российского казачества // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 2012. № 4. С. 60-67.
- Локшин, 2012** – Локшин А.Е. Рекрутская повинность и обращение евреев в христианство при Николае I // *Вопросы истории*. М., 2012. № 7. С. 77-85.
- Максимов, Очиров, 2012** – Максимов К.Н., Очиров У.Б. Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста, 2012. 518 с.
- Масловский, 1886** – Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1: Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757 гг.). М., 1886. 678 с.
- Меннинг, 2016** – Меннинг Брюс У. Пуля и штык. Армия Российской империи 1861–1914. М., 2016. 423 с.
- Муртазов, 2017** – Муртазов Т.Г. Милитаризация и войны как фактор ассимиляции башкир в прошлом // *Ватандаш*. 2017. № 6. С. 126-133.
- Петровский-Штерн, 2003** – Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии: 1827–1914. М., 2003. 556 с.
- Пинчук, 2012** – Пинчук С.А. Греки Российской империи в войне 1812 года // *Война и мир, 2012*. № 12. С. 55-67.
- Рахимов, 2007** – Рахимов Р.Н. Поход башкирской команды в Польшу в 1771 году // *Вестник Башкирского университета*, 2007. № 1. С. 113-117.
- Рахимов, 2014a** – Рахимов Р.Н. На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М., 2014. 542 с.
- Рахимов, 2014b** – Рахимов Р.Н. Западные мифы о народах России: от «диких башкир» к «полуазиатским ордам» // *Проблемы национальной стратегии*. 2014. № 6 (27). С. 190-206.
- Рахимов, 2015** – Рахимов Р.Н. Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII в. как фактор интеграции в империю // *Проблемы национальной стратегии*. 2015. № 3 (30). С. 229-247.
- Рахимов, 2018** – Рахимов Р.Н. Национальные формирования в российской императорской армии // *Русский сборник. Т. XXVI. Россия и Война. Международный научный сборник в честь 75-летия Брюса Меннинга*. М., 2018. С. 122-144.
- Рахимов, 2019** – Рахимов Р.Н. Бенкендорф и его башкиры. Мемориализация освобождения Нидерландов в 1813 г. // *Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XXII Международной научной конференции. Министерство культуры Российской Федерации; Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник*. 2019. С. 285-290.
- Рахимов, 2020** – Рахимов Р.Н. Обер-офицеры тептярских конных полков. Сословный парадокс на юго-восточном фронтире России // *Мусульманин на службе Российской империи (к 200-летию Мирсалиха Бекчурина)*. 2020. С. 57-71.
- Риттих, 1875** – Риттих А.Ф. Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. СПб., 1875. 352 с.
- Сусеева, 2012** – Сусеева Д.А. Об участии калмыков в походах русской армии (по данным писем калмыцких ханов и их русских переводов XVIII в.) // *Отечественная война 1812 года и Заграничный поход 1813–1814 гг.: проблемы истории и историографии*. 2012. С. 106-114.

Танин, 2009 – Танин С.Ю. Русский Белград. М., 2009. 301 с.

Трепавлов, 2007 – Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. 253 с.

Трепавлов, 2009 – Трепавлов В.В. «Национальная политика» в многонациональной России XVI–XIX веков // *Историческая психология и социология истории*. 2009. Т. 2. № 1. С. 60-73.

Целорунго, 2012 – Целорунго Д.Г. Социальный и антропологический облик рекрутов российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года // *Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук*. Сыктывкар; Вологда, 2012. Вып. 9. С. 15-23.

Чонов, 2006 – Чонов Е. Калмыки в русской армии XVII в., XVIII в. и 1812 год. Элиста, 2006. 72 с.

Шовунов, 1992 – Шовунов К.П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII – XIX в.). Элиста, 1992. 317 с.

Бейрау, 1984 – Beyrau D. Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland (Beiträge zur Geschichte Osteuropas, Bd.15). Köln, 1984. 504 S.

Кеер, 1985 – Keep John L. H. Soldiers of the tsar :Army and society in Russia, 1462-1874. Oxford, 1985. 431 p.

Pintner, 1984 – Pintner W. The Burden of Defence in Imperial Russia // *The Russian Review*. Vol. 43. 1984. pp. 231-259

Rieber, 2015 – Rieber A.J. Nationalizing Imperial Armies: A Comparative and Transnational Study of three Empires // *Nationalizing Empires* / Edited by Alexei Miller and Stefan Berger. Central European University Press. 2015. pp. 593-628.

Wirtschaftler, 1990 – Wirtschaftler E.K. From Serf to Russian Soldier. Princeton, 1990. 214 p.

References

Abdullin, 2007 – Abdullin Kh.M. (2007). Voinskaya sluzhba krymskikh tatar v Rossijskoj imperii [Military service of the Crimean Tatars in the Russian Empire]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. №1. Pp. 49-54. [in Russian]

Agafonov, 1995 – Agafonov O.V. (1995). Kazach'i vojska Rossijskoj imperii [Cossack troops of the Russian Empire]. М. [in Russian]

Andrilajnen, 2017 – Andrilajnen S.V. (2017). Russkaya armiya v Tsarstve Pol'skom v 1831-1856 godakh [Russian army in the Kingdom of Poland in 1831-1856]. *Nauchnyj dialog*. № 3. Pp. 106-118. [in Russian]

Artamonov, 2011 – Artamonov V.A. (2011). Serby i turetsko-russkaya vojna 1710-1713 gg. [The Serbs and the Turkish-Russian war of 1710-1713]. *Institut rossijskoj istorii RAN*. Т. 13. № 3(2). Pp. 333-341. [in Russian]

Arsh, 1969 – Arsh G.L. (1969). Grecheskaya eh migratsiya v Rossiyu v kontse XVIII – nachale XIX v. [Greek emigration to Russia in the late XVIII-early XIX century]. *Sovetskaya eh nografija*. № 3. Pp. 85-95. [in Russian]

Astafullin, 2000 – Astafullin S.G. (2000). Severnye amury v Otechestvennoj vojne 1812 goda. [Northern cupids in the Patriotic war of 1812]. Ufa. [in Russian]

Baiov, 1906 – Baiov A.K. (1906). Russkaya armiya v tsarstvovanie imperatritsy Anny Ioannovny. Vojna Rossii s Turtsiej v 1736-1739 gg. [The Russian army in the reign of the Empress Anna Ioannovna. Russia's war with Turkey in 1736-1739]. Т.2. SPb. [in Russian]

Bajrau, 1997 – Bajrau D. (1997). Imperiya i ee armiya [The Empire and its army]. *Novyj chasovoj*. №5. Pp. 19-39. [in Russian]

Belikov, 1965 – Belikov T.I. (1965). Kalmyki v bor'be za nezavisimost' nashej Rodiny (XVII – nachalo XIX vv.) [The Kalmyks in the struggle for the independence of our Motherland (XVII – early XIX centuries)]. Элиста. [in Russian]

Beskrovnyj, 1958 – Beskrovnyj L.G. (1958). Russkaya armiya i flot v XIX veke [Russian army and Navy in the XIX century]. М. [in Russian]

Beskrovnyj, 1958 – Beskrovnyj L.G. (1958). Russkaya armiya i flot v XVIII veke [Russian army and Navy in the XVIII century]. М. [in Russian]

Beyrau, 1984 – Beyrau D. (1984). Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland [Army and society in pre-revolutionary Russia]. Köln. [in German]

Bobkov, 2006 – Bobkov A.A. (2006). Tavricheskie konnye diviziony: K istorii krymskikh tatarskikh irregulyarnykh formirovanij Rossijskoj imperatorskoj armii v 1784-1796 gg. [Tauride horse divisions: On the history of the Crimean Tatar irregular formations of the Russian Imperial army in 1784-1796]. *Voенно-istoricheskij zhurnal: Internet-prilozhenie*. № 2. [Electronic resource]. URL: <http://books.reenactor.ru/?bookid=624> (date: 08.08.2020). [in Russian]

Chonov, 2006 – Chonov E.Ch. (2006). Kalmyki v russkoj armii XVII v., XVIII v. i 1812 god. [Kalmyks in the Russian army of the XVII century, XVIII century and 1812]. Элиста. [in Russian]

- Dmitriev, 2014** – *Dmitriev D.G.* (2014). Polyaki na sluzhbe v tsarskoj armii nakanune Pervoj mirovoj vojny (k voprosu o vektore sotsial'noj motivatsii) [Poles serving in the tsarist army on the eve of the First world war (on the question of the vector of social motivation)]. *Slavyanskij al'manakh*. Is. 1-2. Pp. 134-141. [in Russian]
- Dubnov, 1923** – *Dubnov S.M.* (1923). Novejshaya istoriya evrejskogo naroda: Ot revolyutsii 1789 g. do mirovoj vojny 1914 g. [Modern history of the Jewish people: from the revolution of 1789 to the world war of 1914]. Vol.1-3. Berlin. [in Russian]
- Durnovo, 1922** – *Durnovo P.N.* (1922). Zapiska P.N. Durnovo [The note of P.N. Durnovo]. *Krasnaya nov'*. № 6. Pp. 178-199. [in Russian]
- Durov, 2013** – *Durov I.G.* (2013). Organizatsiya voennogo chinoproizvodstva v russkoj reguljarnoj armii i voenno-morskom flote v ehpkhu Petra Velikogo [Organization of military ranks promotion in the Russian regular army and Navy in the era of Peter the Great]. *Menshikovskie chteniya*. SPb. № 4 (11). Pp. 71-124. [in Russian]
- Gabdullin, 2006** – *Gabdullin I.R.* (2006). Ot sluzhilykh tatar k tatarskomu dvoryanstvu [From the serving Tatars to the Tatar gentry]. M. [in Russian]
- Gessen, 1914** – *Gessen Yu.I.* (1914). Istoriya evreev v Rossii [History of the Jews in Russia]. SPb. [in Russian]
- Ginzburg, 1912** – *Ginzburg S.M.* (1912). Otechestvennaya vojna 1812 goda i russkie evrei [The Patriotic war of 1812 and Russian Jews]. SPb. [in Russian]
- Gribovskij, Trepavlov, 2018** – *Gribovskij V.V., Trepavlov V.V.* (Eds.) (2018). Kazachestvo v tyurkskom i slavyanskom mirakh [Cossacks in the Turkic and Slavic worlds]. Kazan'. [in Russian]
- Ivashko, 2004** – *Ivashko M.I.* (2004). Mezkhkonnessional'nyj mir v armii i na flote: istoricheskij opyt [Interfaith peace in the Army and Navy: historical experience]. *Zhurnal Lichnoj, Natsional'noj i Kollektivnoj Bezopasnosti*. № 3. Pp. 566-573. [in Russian]
- Keep, 1985** – *Keep J.* (1985). *Soldiers of the Tsar :Army and society in Russia, 1462-1874*. Oxford press.
- Kersnovskij, 1939** – *Kersnovskij A.A.* (1939). Mirovaya vojna. Kratkij ocherk. K 25-letiyu ob'yavleniya vojny [World war. Brief sketch. On the 25th anniversary of the Declaration of war.]. Belgrad. [in Russian]
- Kersnovskij, 1994** – *Kersnovskij A.A.* (1994). Istoriya russkoj armii [History of the Russian army]. M. T. 4. [in Russian]
- Kupriyanova, 2008** – *Kupriyanova O.I.* (2008). Inostrantsy na gosudarstvennoj sluzhbe v Rossii v XVIII v.: pravovoj status [Foreigners in the government service in Russia in the XVIII century: legal status]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Pravo*. № 5. Pp. 78-90. [in Russian]
- Lapin, 1991** – *Lapin V.V.* (1991). Voennye raskhody Rossii v XIX v. [Military expenditures of Russia in the XIX century]. Problemy sotsial'no-ehkonomicheskoj istorii Rossii. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya B.A. Romanova. SPb. Pp. 148-160. [in Russian]
- Lapin, 1994** – *Lapin V.V.* (1994). Armiya dorevoljucionnoj Rossii v sovremennoj zapadnoj istoriografii [The army of pre-revolutionary Russia in present Western historiography]. Gosudarstvennye instituty i obshhestvennye otnosheniya v Rossii XVIII-XX vv. v zarubezhnoj istoriografii. SPb. Pp. 7-31. [in Russian]
- Lapin, 2001a** – *Lapin V.V.* (2001). Natsional'nye formirovaniya v Kavkazskoj vojne [National formations in the Caucasian war]. *Rossiya i Kavkaz. Skvoz' dva stoletiya*. SPb. Pp.108-126. [in Russian]
- Lapin, 2001b** – *Lapin V.V.* (2001). Armiya imperii, imperiya v armii: organizatsiya i komplektovanie vooruzhennykh sil Rossii v XVI – nachale XX vv. [The army of the Empire, the Empire in the army: organization and recruitment of the Russian armed forces in the XVI-early XX centuries]. *Ab Imperio*. №4. Pp. 109-140. [in Russian]
- Lapin, 2008** – *Lapin V.V.* (2008). Armiya Rossii v Kavkazskoj vojne XVIII-XIX vv. [Russian army in the Caucasus war of the XVIII-XIX centuries]. SPb. [in Russian]
- Lapin, 2012** – *Lapin V.V.* (2012). Problemy ispol'zovaniya lyudskikh resursov natsional'nykh okrain Rossijskoj imperii dlya komplektovaniya vooruzhennykh sil v kontse XVIII – pervoj chetverti XIX veka [Problems of using the human resources of the national borderlands of the Russian Empire to recruit the armed forces at the end of the XVIII – first quarter of the XIX century]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. № 11. Pp. 100-107. [in Russian]
- Lapin, 2014** – *Lapin V.V.* (2014). Finlyandiya v voennoj sisteme Rossijskoj imperii [Finland in the military system of the Russian Empire]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal: issledovaniya po rossijskoj i vseobshhej istorii*. № 1. Pp. 98-120. [in Russian]
- Lapin, 2016** – *Lapin V.V.* (2016). Armiya Rossijskoj imperii kak shkola natsii [The army of the Russian Empire as the nation's school]. *Voennaya istoriya Rossii XIX-XX vekov. Materialy IX Mezhdunarodnoj voenno-istoricheskij konferentsii*. Pp. 3-12. [in Russian]
- Lapin, 2019** – *Lapin V.V.* (2019). Armiya Rossii kak imperskij integratsionnyj mekhanizm [The Russian army as an Imperial integration mechanism]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal: issledovaniya po rossijskoj i vseobshhej istorii*. № 1 (21). Pp. 302-313. [in Russian]

- Lapteva, Rozhkova, 2012** – *Lapteva E.V., Rozhkova L.P.* (2012). K voprosu ob istorii rossijskogo kazachestva [To the question of the history of the Russian Cossacs]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. №4. Pp. 60-67. [in Russian]
- Lokshin, 2012** – *Lokshin A.E.* (2012). Rekrutskaya povinnost' i obrashhenie evreev v khristianstvo pri Nikolae I [Recruit service and conversion of the Jews to Christianity under Nicholas I]. *Voprosy istorii*. № 7. Pp. 77-85. [in Russian]
- Maksimov, Ochirov, 2012** – *Maksimov K.N., Ochirov U.B.* (2012). Kalmyki v napoleonovskikh vojnakh [Kalmyks in the Napoleonic wars]. Elista. [in Russian]
- Maslovskij, 1886** – *Maslovskij D.F.* (1886). Russkaya armiya v Semiletnyuyu vojnu. Vyp. 1: Pokhod Apraksina v Vostochnuyu Prussiyu (1756-1757 gg.) [Russian army in the seven Years' war. Issue 1: Apraksin's Campaign in East Prussia (1756-1757)]. M. [in Russian]
- Menning, 2016** – *Menning B.U.* (2016). Pulya i shtyk. Armiya Rossijskoj imperii 1861-1914 [The bullet and the bayonet. The army of the Russian Empire, 1861-1914]. M. [in Russian]
- Murtazov, 2017** – *Murtazov T.G.* (2017). Militarizatsiya i vojny kak faktor assimilyatsii bashkir v proshlom [Militaryization and wars as a factor of assimilation of Bashkirs in the past]. *Vatandash*. №6. Pp. 126-133. [in Russian]
- Petrovskij-Shtern, 2003** – *Petrovskij-Shtern J.* (2003) Evrei v ruskoj armii: 1827–1914 [Jews in the Russian army: 1827-1914]. M. [in Russian]
- Pinchuk, 2012** – *Pinchuk S.A.* (2012). Greki Rossijskoj imperii v vojne 1812 goda [The Greeks of the Russian Empire in the war of 1812]. *Vojna i mir*. № 12. Pp. 55-67. [in Russian]
- Pintner, 1984** – *Pintner W.* (1984). The Burden of Defence in Imperial Russia. *The Russian Review*. Vol. 43. Pp. 231-259
- Rakhimov, 2007** – *Rakhimov R.N.* (2007). Pokhod bashkirskoj komandy v Pol'shu v 1771 godu [Campaign of the Bashkir troops in Poland in 1771]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. №1. Pp. 113-117. [in Russian]
- Rakhimov, 2014a** – *Rakhimov R.N.* (2014) Na sluzhbe u «Belogo tsarya». Voennaya sluzhba nerusskikh narodov yugo-vostoka Rossii v XVIII – pervoj polovine XIX v. [In the service of the "White Tsar". Military service of non-Russian peoples of the South-East of Russia in the XVIII – first half of the XIX century]. M. [in Russian]
- Rakhimov, 2014b** – *Rakhimov R.N.* (2014). Zapadnye mify o narodakh Rossii: ot «dikikh bashkir» k «poluaziatskim ordam» [Western myths about the peoples of Russia: from "wild Bashkirs" to "semi-Asian hordes"]. *Problemy natsional'noj strategii*. № 6 (27). Pp. 190-206. [in Russian]
- Rakhimov, 2015** – *Rakhimov R.N.* (2015). Voennaya sluzhba nerusskikh narodov yugo-vostoka Rossii v XVIII v. kak faktor integratsii v imperiyu [Military service of non-Russian peoples of the South-East of Russia in the XVIII century as a factor of integration into the Empire]. *Problemy natsional'noj strategii*. №3(30). Pp. 229-247. [in Russian]
- Rakhimov, 2018** – *Rakhimov R.N.* (2018). Natsional'nye formirovaniya v rossijskoj imperatorskoj armii [National formations in the Russian Imperial army]. *Russkij sbornik*. T. XXVI. Rossiya i Vojna. Mezhdunarodnyj nauchnyj sbornik v chest' 75-letiya Bryusa Menninga. M. Pp.122-144. [in Russian]
- Rakhimov, 2019** – *Rakhimov R.N.* (2019). Benkendorf i ego bashkiry. Memorializatsiya osvobodzheniya Niderlandov v 1813 g. [Benckendorf and his Bashkirs. Memorialization of the liberation of the Netherlands in 1813]. *Otechestvennaya vojna 1812 goda Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy XXII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*. M. Pp. 285-290. [in Russian]
- Rakhimov, 2020** – *Rakhimov R.N.* (2020). Ober-ofitsery teptyarskikh konnykh polkov. Soslovnyj paradoks na yugo-vostochnom frontire Rossii [Chief officers of teptyar horse regiments. Estate paradox on the South-Eastern frontier of Russia]. *Musul'manin na sluzhbe Rossijskoj imperii (k 200-letiyu Mirsalikha Bekchurina)*. Ufa. Pp. 57-71. [in Russian]
- Rieber, 2015** – *Rieber A.J.* (2015). Nationalizing Imperial Armies: A Comparative and Transnational Study of three Empires // *Nationalizing Empires* / edited by Alexei Miller and Stefan Berger. Central European University Press. Pp. 593-628.
- Rittikh, 1875** – *Rittikh A.F.* (1875). Plemennoj sostav kontingentov ruskoj armii i muzhskogo naseleniya Evropejskoj Rossii [Ethnic composition of the Russian army contingents and the male population of European Russia.]. SPb. [in Russian]
- Shovunov, 1992** – *Shovunov K.P.* (1992). Kalmyki v sostave rossijskogo kazachestva (vtoraya polovina XVII – XIX v.) [Kalmyks as a part of the Russian Cossacks (the second half of the XVII-XIX century)]. Elista. [in Russian]
- Suseeva, 2012** – *Suseeva D.A.* (2012). Ob uchastii kalmykov v pokhodakh ruskoj armii (po dannym pisem kalmytskikh khanov i ikh russkikh perevodov XVIII v.) [About the part of the Kalmyks in Russian army campaigns (according to the letters of the Kalmyk khans and their Russian translations of the XVIII century)]. *Otechestvennaya vojna 1812 goda i Zagranichnyj pokhod 1813-1814 gg.: problemy istorii i istoriografii*. Pp. 106-114. [in Russian]
- Tanin, 2009** – *Tanin S.Yu.* (2009). Russkij Belgrad [Russian Belgrad]. M. [in Russian]

Trepavlov, 2007 – Trepavlov V.V. (2007). «Belyj tsar'»: obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV-XVIII vv. ["White Tsar": the image of the monarch and the idea of citizenship among the peoples of Russia of the XV-XVIII centuries]. M. [in Russian]

Trepavlov, 2009 – Trepavlov V.V. (2009). «Natsional'naya politika» v mnogonatsional'noj Rossii XVI-XIX vekov ["National policy" in multinational Russia of the XVI-XIX centuries]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. T. 2. №1. Pp. 60-73. [in Russian]

Tselorungo, 2012 – Tselorungo D.G. (2012). Sotsial'nyj i antropologicheskij oblik rekrutov rossijskoj armii ehpokhi Otechestvennoj vojny 1812 goda [Social and anthropological look of recruits of the Russian army during the Patriotic war of 1812]. *Trudy Komi otdeleniya Akademii voenno-istoricheskikh nauk*. Syktyvkar; Vologda. Vyp. 9. Pp. 15-23. [in Russian]

Vaschenko, 2000 – Vaschenko A.V. (2000) Pravovoj status Tsarstva Pol'skogo v sostave Rossijskoj imperii, 1815-1830 gg. [Legal status of the Kingdom of Poland in the Russian Empire, 1815-1830]. M. [in Russian]

Volkov, 2003 – Volkov S.V. (2003). Russkij ofiterskij korpus [Russian officer corps]. M. [in Russian]

Volodina, 2000 – Volodina T.A. (2000). O rasshirenii predmeta istoriograficheskikh issledovanij (k postanovke voprosa) [On expanding the subject of historiographical research (Raising the question)]. *Problemy istochnikovedeniya i istoriografii. Materialy II Nauchnykh chtenij pamyati akademika I.D. Koval'chenko*. M. Pp. 312-320. [in Russian]

Vyskochkov, 2012 – Vyskochkov L.V. (2012). «Vojna teper' ne obyknovennaya, a natsional'naya»: narody Rossii v Otechestvennoj vojne 1812 goda ["The war is no longer ordinary, but national": the peoples of Russia in the Patriotic war of 1812]. *Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferentsii (g. Elista, 11–12 sentyabrya 2012 g.)*. Kalmytskij institut gumanitarnykh issledovanij RAN. Pp. 18-24. [in Russian]

Wirtschaftler, 1990 – Wirtschaftler E.K. (1990). From Serf to Russian Soldier. Princeton.

Zajonchkovskij, 1952 – Zajonchkovskij P.A. (1952). Voennye reformy 1860-1870 godov v Rossii [Military reforms of 1860-1870 in Russia]. M. [in Russian]

Zajonchkovskij, 1973 – Zajonchkovskij P.A. (1973) Samoderzhavie i russkaya armiya na rubezhe XIX-XX stoletij. 1881-1903. [Autocracy and the Russian army at the turn of the XIX-XX centuries. 1881-1903]. M. [in Russian]

Российская армия как феномен империи: анализ историографии

Татьяна Андреевна Володина ^{a, *}, Константин Андреевич Подрезов ^a,
Тамара Александровна Тарунтаева ^a

^a Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Российская Федерация

Аннотация. В работе проводится анализ историографии, посвященный изучению специфики роли и значения армии в контексте имперского развития России. Авторы прослеживают подходы и оценки, которые проявлялись в исторических исследованиях по отношению к фактору языковой, конфессиональной и этнической «разноплеменности» вооруженных сил российской империи в период XVIII–XIX вв. Источниками исследования выступают работы отечественных историков, начиная с XIX столетия и по настоящее время. В результате анализа авторы выделяют те факторы, в результате которых происходила перенастройка «методологической оптики» исследователей: практические вопросы использования национальных формирований в российской армии, осмысление причин краха вооруженных сил России в ходе Первой мировой войны и революции, антиимперский подход советской историографии, «комплиментарные» этноцентристские оценки позднесоветского и постсоветского времени, общее внимание к феномену империи в современных исследованиях. Авторы подчеркивают и значение западной историографии, играющей роль дополнительного стимула, который подвигает российских историков отходить от «батальной» парадигмы изучения армии в сторону концептуального осмысления взаимоотношений армии, государства и общества. Однако, по мнению авторов статьи, главным фактором в изменении фокуса исследовательского внимания явился распад СССР.

Ключевые слова: историография, российская армия XVIII–XIX веков, империя, интеграционный инструмент, государственное строительство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: volodina.tatiana2016@yandex.ru (Т.А. Володина), kpodrezov@yandex.ru (К.А. Подрезов), lady.taruntaeva@yandex.ru (Т.А. Тарунтаева)